

С. С. Хоружий

О ценности личного общения в мире гуманитарной коммуникации

Аннотация: анализ свойств виртуальных и медийных технологий коммуникации и общения обнаруживает в их современном развитии тенденцию к обеднению общения, опустошению его духовно-душевных, личностных и экзистенциальных измерений, утрате качества «глубины общения». Эта тенденция позволяет говорить о появлении иерархии форм общения, нисходящей от полноценного личного общения вплоть до всецело формализованного «общения протоколов» компьютерных систем. Напротив, в сфере духовной жизни и, в первую очередь, духовных практик усматривается существование противоположной иерархии форм общения, восходящей от обычного эмпирического общения — через формы, отвечающие ступеням духовной практики, — к абсолютной полноте общения, которая представляет собой актуальный взаимообмен уже не информацией, а бытием, и передается понятием византийской патристики «перихорисис». Поскольку же выхолащивание человеческого общения входит в число опасностей нынешней антропологической и социальной ситуации, то культивация личного общения и его высших форм должна рассматриваться как одна из стратегий борьбы с антропологическим кризисом. Новые возможности подобной культивации открывает идущий процесс вступления общества и сознания в постсекулярную парадигму.

Ключевые слова: культурология, антропология, персонология, исихазм, бытие, коммуникация, массмедиа, виртуальность, личность, общение.

Сегодня нет ни малейшей необходимости доказывать кардинальную роль феноменов информации и коммуникации в современном обществе. Как все мы знаем, в самом своем типе, своей природе это общество обычно определяется как «информационное», или «коммуникационное», общество, явившееся на смену индустриальному и постиндустриальному. Соответственно, коммуникация как акт и процесс передачи информации есть сегодня главнейший и ключевой социальный механизм, и механизм решительно безальтернативный. «Что бы ни происходило в обществе, это все — коммуникация»¹, — утверждает Н. Луман. Больше того, как он убедительно рассуждал, коммуникацию следует считать первопринципом общества: она полагает общество и социальный порядок, она первичней нежели само общество. Многие из самых влиятельных философов современности, начиная с Витгенштейна, такие как Хабермас, Апель и др., часто и с полным основанием именуются «философами коммуникации», в их трактовке реальность предстает как «коммуникативная реальность», а познание как таковое осуществляется лишь из перспективы участия в коммуникации. Таким образом, коммуникация — господствующая и всеохватывающая стихия, если угодно, сама материя социального существования; и разумеется, она обладает богатым многообразием форм, видов, технологий, которое, к тому же, постоянно расширяется и растет. В новейшее время в этом многообразии активнее всего развиваются и получают преоблада-

ние медийные и виртуальные формы и технологии коммуникации. За счет их бурного роста и всепроникающего внедрения коммуникативная насыщенность социальной жизни, всего существования современного человека достигает предела.

Процесс интенсивного развития сферы коммуникации и повышения ее роли в жизни человека и общества принято рассматривать как несомненное достижение современной цивилизации, показатель ее прогресса и успеха. И действительно, его положительные стороны, открываемые им новые возможности бесспорны и очевидны. Но существуют, тем не менее, и другие стороны, и более точным будет сказать, что данный процесс глубоко амбивалентен: приносимые им приобретения сочетаются с существенными утратами. Сегодня уже прочно замечено, что современный прогресс коммуникации одновременно представляет собою регресс общения. И наиболее значительный регресс и ущерб для общения несут с собой именно новейшие и самые прогрессивные коммуникативные технологии, медийные и виртуальные. Медийные коммуникации порождают симулякры — такие коммуницируемые содержания, которые представляют собой знаки особого рода — означающие, за которыми нет никакого означаемого, но которые тем не менее воспринимаются и воздействуют², создавая у адресатов коммуникации мнимую и фальшивую картину реальности. При этом

¹ Луман Н. Введение в системную теорию. М., 2007. С. 92.

² Ср.: «Массмедиа отображаются в себе самих и это отображение, в свою очередь, рассматривают как событие» (Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2012. С. 66).

размножение симулякров нарастает еще быстрее и сильнее, нежели само развитие массмедиа, так что мир потребителей медийной коммуникации оказывается охвачен тотальным превращением его в мир симулякров. С этим тесно связано и еще одно хорошо известное обстоятельство: медийные коммуникации — это *безличные* формы коммуникации, в которых сообщения, получаемые человеком, в конечной сути своей выражают лишь свою медийность, медийную природу, — что и зафиксировал знаменитый афоризм МакЛюена: *Media is the message*. Как поясняет МакЛюен, в данном обстоятельстве отнюдь нет какой-либо нарочитой тенденции расчеловечения, это лишь простая артикуляция существа медийности, «ибо «сообщением» любого средства коммуникации или технологии является то изменение масштаба, скорости или формы, которое приносится им в человеческие дела»³. И тем не менее, в ходе таких коммуникаций человек изменяется совсем иначе, нежели в подлинном общении: он изменяется к своему превращению в медийный конструкт, то есть не к углублению, а к обмелению, редукции своей человечности, своей личностно-экзистенциальной стихии. Довольно уместно тут вспомнить наших поэтов, справку Волошина:

*Из патентованных наркотиков Газета
Есть самый сильнодействующий яд.*

и предостережение Цветаевой:

Брось, девушка! Родишь читателя газет!

Что же касается виртуальных технологий коммуникации, таких как общение в Интернете и социальных сетях, то происходящая здесь виртуализация общения сегодня уже немало анализировалась и критиковалась. Этот род коммуникаций обнаруживает сходные качества. Хотя виртуальная коммуникация, вообще говоря, не является безличной, а представляет собой все же человеческое взаимодействие, способное развиваться и углубляться, однако, по самой природе виртуального, это общение всегда лишено каких-либо существенных предикатов актуального общения, оно принципиально не может достигать насыщенной полноты подлинного общения во всех его измерениях. Оно лишено обязательности и ответственности, которые несет встреча лицом к лицу, и человек в нем заведомо не может проявлять и реализовывать себя во всей своей цельности. Что особенно важно, в нем отсутствует *фактор человеческого лица*, которое

и является откровением цельного человека. Хотя и способное заинтересовывать, задевать, зацеплять, оно всегда поверхностно, необязательно и частично; сплошь и рядом оно используется не только для откровения, но равно и для скрытия себя. Оно не насыщает сполна духовно-душевных потребностей человека, и человек, как правило, начинает испытывать фрустрацию. Чтобы преодолеть ее, он множит свои виртуальные контакты, увеличивает длительность виртуального общения — но это все бесплодно.

Резюмировать все эти черты новейших видов коммуникации можно наглядно-схематически. Сравнительно с обычным человеческим общением в эмпирической реальности, эти коммуникации выстраивают целое многообразие новых форм; и это многообразие можно представлять упорядоченным, как некую иерархию, нисходящую вниз, ко все более обездушенным, поверхностным и частичным формам. Это — иерархия по убыванию экзистенциально-личностной, духовно-душевной насыщенности общения. В конце такой иерархии будет, очевидно, чисто формализованное общение, какое осуществляется меж компьютерными системами и передается термином «общение протоколов». Итак, в новейших коммуникациях, медийных и виртуальных, человеку предлагается иерархия форм общения, нисходящая от полноценного личностного общения — к общению протоколов. С укреплением своего господства эти новые виды коммуникаций несут кризис человеческого общения.

Но главная задача этого небольшого текста — не воспроизвести лишней раз критику таких форм общения, сегодня звучащую достаточно часто, но указать, напомнить, что существуют и другие миры общения, где актуализуются совсем иные, противоположные потенции человека. Эти миры связаны с феноменом личного общения, каким оно осуществляется в духовной жизни. Их можно обнаружить во многих и разнообразных проявлениях и контекстах, но наиболее ярко и полно они представлены в духовной практике. Здесь мы их кратко и рассмотрим, на примере православного исихазма. Эта практика, зарождавшаяся в древнем монашеском отшельничестве, прежде рассматривалась, да нередко рассматривается и сегодня как пример крайней асоциальности, радикального выхода из общества и общения. Но в связи с нашей темой я бы позволил себе сказать, пускай и несколько заостряя, что исихазм представляет собой не что иное как *школу высших форм личного общения*. Как в сфере современных коммуникаций мы нашли иерархию форм общения, нисходящую вниз, к предельно обедненному общению как общению протоколов, обмену битами информации, так в исихастской практике можно обнаружить иерархию форм общения, однако совсем других — иерар-

³ МакЛюен М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М., 2003. С. 10.

хию все обогащающихся форм, восходящую вверх, к вершине, которую занимает абсолютная полнота общения, данная как общение онтологическое, совершенный обмен бытием, или взаимообращение бытия между совершенными Личностями-Ипостасями, что именуется *перихорисис*⁴.

Опишем эту восходящую иерархию немного подробней. Исихастская практика уже и начинается с создания особой формы общения — общения в антропологической ячейке-диаде «послушник — старец». Это — асимметричное общение, как и большинство форм восходящей иерархии: в них одна из сторон путем общения питает личностный рост другой. В диаде «послушник — старец» общение достигает такой глубины, что старцу делается открыт, прозрачен внутренний мир послушника, а послушник испытывает трансформацию своего мира, вступая на путь, ведущий к бытийному претворению. Дальнейший путь практики построен в ступенчатой парадигме, это — знаменитая исихастская Лествица, ступени которой восходят к соединению человека с Богом⁵. Восхождение совершается, прежде всего, посредством молитвы, т. е. общения с Богом, и каждой из ступеней Лествицы соответствует определенная форма молитвенного Богообщения. Можно сказать поэтому, что общение составляет одно из имманентных измерений практики, и в этом измерении исихастская Лествица представляется как восходящая иерархия форм общения.

Что это за формы? Природа их коренится в теснейшей связи общения и личности. По христианскому учению, понятие личности относится к Богу, личность как таковая есть Божественная Ипостась; и восхождение человека к соединению с Богом есть, тем самым, не что иное как его приобщение к Личности-Ипостаси, становление человека личностью. Поэтому ступени восхождения — это ступени строительства личности человека, и строительство это совершается в общении и путем общения, в ходе которого пространство общения последовательно расширяется, охватывая все новые личностные содержания. Однако общение — не только способ строительства личности, но и более того — способ самого ее существования и бытия. В православном богословии Божественное бытие передается формулой «личное бытие-общение»; общение выступает здесь как дефиниция личности, причем очевидно, что в горизонте Божественного бытия реализуется

не какая-либо из частных форм общения, присущих бытию эмпирическому, но общение совершенное, само общение как таковое в своей абсолютной полноте. Эта вершина всех форм общения, как сказано выше, носит название *перихорисис*, обход по кругу, и мыслится как совершенный взаимообмен бытием между Личностями-Ипостасями, вневременное обращение бытия, образующее Троиединую Личность Бога. И формы общения, создаваемые на ступенях практики, постепенно углубляясь, вовлекая в себя всего цельного человека и переустраивая его, восходят к этой полноте онтологического, бытийного общения — хотя и не могут всецело ее достичь, оставаясь в эмпирическом бытии. В современном дискурсе коммуникации эти формы можно охарактеризовать как обладающие особой дополнительной модальностью. По А. Греймасу, коммуникация имеет три базовые модальности — знать — мочь — хотеть, в которых осуществляется, соответственно, передача информации, власти и ценности, объекта желания. Но все они не исчерпывают того, что передается в духовной практике (и шире, в духовной жизни). *Здесь мы должны признать за коммуникацией еще одну модальность, личностную или же бытийную*, что в православном дискурсе синонимично. И «высшие формы общения», создаваемые здесь, — это именно те, что обладают данной личностной (бытийной, онтологической) модальностью.

Такова беглая, упрощенная схема форм общения, и она бесполезна для ориентации в реальности наших дней. Универсум общения представился нам в виде двух взаимно противоположных иерархий, которые обе имеют своим основанием обычные практики общения в обыденной жизни. Новые технологии коммуникаций, продвигающиеся к тотальному господству в мире, создают *нисходящую иерархию* все более обедненных, редуцированных форм общения, ведущих к его полной виртуализации и превращению в машинное «общение протоколов». Помимо обеднения общения их господство несет и реальные риски, опасности и угрозы существованию человека. Эти опасности сегодня также общеизвестны: к примеру, глубокий, длительный уход в виртуальную реальность затрудняет отношения человека с актуальной реальностью, ухудшает его способность контроля и управления собой и окружающей ситуацией, повышает риски техногенных катастроф; развивающиеся постчеловеческие тренды строят проекты устранения человека, замены его неким «Постчеловеком» в виде киборга или генетического мутанта, и т. д. Напротив, в духовной практике, в восхождении к личному бытию-общению создается *восходящая иерархия* форм, в которых общение достигает все большей глубины и насыщенности,

⁴ См., напр.: *Meyendorff John. Byzantine Theology: Historical Trends and Doctrinal Themes. London; Oxford, 1975.*

⁵ В дискурсе современной антропологии, детальная реконструкция исихастской практики целостного самопреобразования человека, ориентированного к актуальному бытийному претворению, представлена в нашей книге: *Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. М., 1998.*

так что в нем происходит обогащение личности, генерация более тонких, дифференцированных и высокоорганизованных структур личности и идентичности человека. Вершина этой иерархии, недостижимая в здешнем бытии, — онтологическое тождество общения, личности и бытия, что и есть личное бытие-общение, Троица Божественная Личность. Ведущие же к вершине высшие формы общения в наиболее чистом виде культивируются в аскетической практике, но их можно также найти и в более широкой сфере, в мире религиозного опыта и близких, примыкающих к нему антропологических практик. Стоит, в частности, вспомнить, что особая развитость личного общения, его необычайная напряженность, экзистенциальная глубина традиционно считались отличительным свойством русского менталитета, русской среды — свойством, которое всегда поражало людей Запада. Поэтому в русской культуре, особенно в русской классике и в первую очередь у Ф. М. Достоевского, можно почерпнуть многое о высших формах общения. Та коммуникация, которую мы находим здесь, демонстрирует реально существующую и действующую личностную модальность.

Из этой картины можно извлечь и практические выводы. Современное торжество нисходящей иерархии несет угрозы и риски для человека, несет антропологический кризис, и, как легко согласиться, эта антропологическая ситуация нуждается в оздоровлении, коррекции. Как подсказывает наша схема, средством такой коррекции может служить новое обращение к формам общения, которые принадлежат к восходящей иерархии и потому укрепляют и обогащают личностные начала и структуры в человеке — *возвращают*

общению личностную модальность. В сегодняшней ситуации личное общение, сохраняющее всю возможную полноту межчеловеческого общения, приобретает новое значение: оно выступает как антропологическая ценность и ресурс для борьбы с антропологическим кризисом. Роль его здесь незаменима, и это уже начинает осознаваться и учитываться в стратегиях социального и политического действия. Все большее развитие и значение приобретают неинституционализованные, неформализованные контакты, такого рода, как, скажем, «гражданская политика», о которой говорил В. Гавел, «народная дипломатия», в религиозной жизни — движение встреч Тэзе. Спонтанно возникают и множатся *социальные формы*, отводящие ключевую роль *антропологическим и личностным* проявлениям.

Вместе с тем, однако, возврат к формам восходящей иерархии не должен иметь целью реставрацию, отказ от новейших форм и технологий коммуникации. Сегодня такой отказ уже попросту невозможен: при всех опасных сторонах этих технологий, они адекватны миру современной цивилизации и сплошь и рядом незаменимы. Поэтому нужной стратегией является скорее не вытеснение их, а именно определенная коррекция, которая достигалась бы их сочетанием с высшими формами, полноценными личностно, экзистенциально и духовно. Попытку такого сочетания можно видеть в формирующейся в наши дни постсекулярной парадигме, которая ставит целью выстраивание диалогического партнерства религиозного и секуляризованного сознания. В очередной раз в истории спасительный путь для человека и общества оказывается в отыскании гармонического баланса старого и нового.

Список литературы:

1. Луман Н. Введение в системную теорию. М., 2007.
2. Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2012.
3. Маклюен М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М., 2003.
4. Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. М., 1998.
5. Meyendorff John. Byzantine Theology: Historical Trends and Doctrinal Themes. London; Oxford, 1975.

References (transliteration):

1. Luman N. Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu. M., 2007.
2. Luman N. Real'nost' massmedia. M., 2012.
3. MakLyuen M. Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka. M., 2003.
4. Khoruzhiy S. S. K fenomenologii askezy. M., 1998.
5. Meyendorff John. Byzantine Theology: Historical Trends and Doctrinal Themes. London; Oxford, 1975.